

(НЕ)ВЫДУМАННЫЕ ИСТОРИИ О НЕБЕ, ЗЕМЛЕ, НЕЧИСТИ И НЕ ТОЛЬКО

ОБЗОР КНИЖНЫХ НОВИНОК

ТАТЬЯНА СОЛОВЬЕВА
Литературный критик. Родилась в Москве, окончила Московский педагогический государственный университет. Автор ряда публикаций в толстых литературных журналах о современной

русской и зарубежной прозе. Руководила PR-отделом издательства «Вагриус», работала бренд-менеджером «Реданции Елены Шубиной». Главный редактор издательства «Альпина. Проза».

ДМИТРИЙ ДАНИЛОВ, «НАН УМИРАЮТ МАШИНИСТЫ МЕТРО» («ГОРОДЕЦ»)

«Подобно великому магу Дэвиду Линчу, с неподражаемым энтузиазмом когда-то повадившемуся протоколировать каждый божий день на своем ютуб-канале (“Сегодня снова пятница! Облачно, легкий бриз...”), Дмитрий Данилов в своей поэзии берегает едва приметные фрагменты нашей негероической обыденности», — сообщает нам Константин Сперанский в аннотации к этому сборнику стихов, и совершенно не врет. Дмитрий Данилов наблюдает окружающий мир, медленно проговаривает его, а потом домысливает, придумывая альтернативные его версии:

*И поезд не заезжает в тупик
А продолжает ехать вперед
Что такое, почему
Что за фигня
Никогда такого не было
Там же впереди ничего нет
Это конечная
Машинист пытается тормозить
Но поезд не слушается его команд*

Рифма здесь была бы совершенно неорганична и чужда, важен ритм и мелодика, поэзия Данилова — это диапазон от накланья до бубнежа, привычные и понятные каждому читателю интонации. Поэт играет в таную игру — с перевернутой, альтернативной, додуманной реальностью — не только с окружающим миром в своей непосредственной данности, но и с искусством. Точно так же им переосмысляются и классические сюжеты:

*Грегор Замза обнаружил
Что он у себя в постели*

*Превратился в насекомое
Но не в «страшное»
Как в знаменитом рассказе Ф. Кафки
А в обычное такое, маленькое
Насекомое*

Многие тексты Дмитрия Данилова строятся по принципу «а вот еще случай был». И точно, случай. И именно что был. Поэта привлекает все странненькое, непонятное, незнаномое в знакомом.

*Двор вроде бы знакомый, свой, родной
Но и какой-то не очень понятный
Было ли тут это дерево
Или не было его
Непонятно
Вроде было*

Лирический герой Данилова очень «свой», и потому в противовес ненадежному рассказчику он максимально надежный, понятный, близкий. Нание бы странные вещи он порой ни говорил.

ЕВГЕНИЙ КРЕМЧУНОВ, «ВОЛШЕБНЫЙ ХОР» («АЛЬПИНА.ПРОЗА»)

В романе Евгения Кремчунова два главных героя: Дмитрий Баврин и Михаил Протасов, когда-то близкие друзья детства, которые потом разошлись в своих жизненных траекториях. Михаил преподает историю в гимназии, Дмитрий — чиновник в сфере культуры в родном для обоих Энске. Известие о том, что Протасов арестован по обвинению в экстремизме, Баврин получает во время командировки. Вернувшись, он пытается понять, что же произошло: поверить в виновность бывшего друга он не может. Распутывая клубок противоречий и недоговоренностей, Баврин должен будет не только многое узнать, но и многое вспомнить.

Евгений Кремчунов написал роман о времени и личной истории, о том, что и родной город, и каждый человек сам по себе — это своеобразная машина времени, поскольку он не только живет в настоящем, но и носит в себе множество самых разных воспоминаний. Прошлое живо в нем, а значит, живо в принципе. Как бы мы к времени ни относились, мы знаем, сколько его было и сколько есть сейчас, но никто не знает, сколько его впереди. Протасов с раннего детства пытался научиться управлять временем, поворачивая историю вспять: он переписывал в специально заведенные тетрадки исторические события в обратном порядке. Но заигрывания с естественным ходом вещей редко заканчиваются хорошо.

«Потом вечером он садился, открывал эту свою общую тетрадь из школы, а рядом другую общую тетрадь; кажется, они только цветом обложек у него специально различались, и переписывал переписанную сегодня в школе энциклопедическую статью еще раз — из одной тетрадки во вторую. От руки. Слово в слово, точь-в-точь. Только в обратном порядке — от конца к началу.

— Ого! — изумилась Рита.

— Вот. И таких гроссбухов у него хранилось потом знаешь сколько — я видел сам сто раз — целая полка, около того, исписанных тетрадней. Пронумеровано, подписано: открыто-завершено. С одной стороны, слева — прямая история, с другой стороны, справа — история обратная».

САЛЛИ ПЕЙДЖ, «ХРАНИТЕЛЬНИЦА ИСТОРИЙ» («ИНОСТРАНКА»)

Дженис работает уборщицей: она ездит по разным домам и наводит в них порядок. Но ее настоящее призвание совсем другое — она коллекционирует и бережно хранит человеческие истории. Она внимательная слушательница и интересная собеседница, постоянный свидетель, который, однако, не остается пустым сосудом, наполняемым только извне. У нее есть и своя собственная история, но долгое время мы ее не знаем, пока в жизни Дженис не появляется особенная клиентка — девяностолетняя Би, вдова бывшего главы Ми-6, с которой героине предстоит вести долгие (и часто не самые приятные) разговоры.

В дебютном романе Салли Пейдж есть увлекательный сюжет, целая галерея милых персонажей, светлая грусть и много-много любви к людям, в каких бы обстоятельствах те ни оказались и какие бы тайны они ни оберегали от чужих глаз и ушей.

«Почту принесли рано, и на коврике у двери лежит горка писем: обычные счета, при виде которых у Дженис всегда сосет под ложечкой, каталог, на обложке которого красуется фотография пожилой женщины на кресле-подъемнике (Дженис сразу вспоминает историю Бекки и улыбается), и открытка от сестры. Отложив остальную корреспонденцию в сторону, Дженис с открыткой в руке садится на нижнюю ступеньку. Сестра прислала ее с Антигуа, и, похоже, они с мужем всю наслаждаются отдыхом. Дженис смотрит на знакомый почерк с петельками и завитушками, но вместо восторгов по поводу дайвинга и ромового пунша видит совсем другие слова: “Я помню, что ты сделала”».

ДАНИЭЛЬ БЕРГЕР, «О НЕЧИСТИ И НЕ ТОЛЬКО» («РЕДАКЦИЯ ЕЛЕНА ШУБИНОЙ»)

Книга Даниэля Бергера неслучайно вышла в одной серии с «Онкулт-трегером» Алексея Сальникова: текст объединяет присутствие нечисти, полумифических, полусказочных существ, которые не просто живут рядом с людьми, но во многом их жизнь и определяют. Даниэль Бергер — режиссер-документалист, и проза его зрима и кинематографична (неслучайно по книге уже снимается сериал, которому прочат славу геймановских «Американских богов»). Даже число текстов в сборнике неслучайно — тринадцать, как можно догадаться. Среди персонажей этих рассказов и повести встречается нечисть разных народов: лешие и домовые, оборотни и упыри, сирены и шуликуны. Ну и ангелы с демонами, конечно. Помнится, еще в «Московских сказках» Александр Набанов переносил в столичные реалии сказочные архетипы, и оказывалось, что они прекрасно работали в Москве конца 90-х. Бергер же значительно расширяет географию — но его мир, населенный самыми разными существами, оказывается прекрасно совместимым с реальным миром 2020-х.

«К вечеру все устали. Похолодало так, что леший вопреки собственному обыкновению попер из берлоги какого-то мишки, и тот всю ночь шатался поблизости, пугая рычанием всю окрестную живность. В берлоге было тепло и тесно, но уж очень воняло — медведь успел пропитать здесь все своим духом, пока укачивался перед сном. Ну да это людям запах не нравится, а лешим мишкин запах родным кажется, любят они его за уют и за сон крепкий. О-о, утомился!»

Неизвестно, снятся ли что-нибудь лешим, но вот дети точно каждую ночь видят сны. Мальчику снились стальные птицы с черными человеческими глазами. Они пролетали так низко, что порой касались острым крылом деревьев. Птицы хищно вглядывались в притихший лес, будто знали про укрывшихся в берлоге детей и искали их. Покружив, птицы улетели, и остаток ночи мальчик спал почти спокойно».

ВАСИЛИЙ АВЧЕНКО, «КРАСНОЕ НЕБО. НЕВЫДУМАННЫЕ ИСТОРИИ О ЗЕМЛЕ, ОГНЕ И ЧЕЛОВЕКЕ ЛЕТАЮЩЕМ» («РЕДАКЦИЯ ЕЛЕНА ШУБИНОЙ»)

Автор «Тотального диктанта» этого года Василий Авченко — настоящий летописец Дальнего Востока. Именно его стараниями современная русская литература прирастает дальневосточным текстом. Эта книга — о первой половине XX века: о Матвееве-Амурском, который написал первую книгу по истории Владивостока, о заре и развитии авиации, а еще о Гражданской и корейской войнах. Но прежде всего о судьбе военного летчика Льва Нолеснинова, который остался героем второго плана, гораздо менее известным, чем Валерий Чкалов, например. А его биография не менее интересна и примечательна: внук Матвеева-Амурского, сын первой любви Александра Фадеева, участник корейской войны (про которую писать было не принято, поскольку официально СССР в ней не участвовал). Это книга о герое, но не только о нем: это портрет на фоне эпохи и портрет на фоне страны — документальная проза, которая порой ярче художественной. Особенно когда автор — а это всегда чувствуется — по-настоящему увлечен темой. Например, историей авиации от винтокрылых машин Ломоносова до сверхзвуковых истребителей.

«Еще семь лет спустя на поверхность Луны впервые в истории опустится аппарат с людьми. Из него выйдет человек – неуклюжая фигура в громоздком скафандре – и произнесет, зная, что его через 400 тысяч километров и треск радиопомех слушает вся Земля, заготовленную фразу про маленький шаг одного человека и огромный скачок всего человечества. За ним наружу выберется второй, оглядится вокруг и скажет: “Великолепное... запустение”.

В космосе – загадочном, бесконечном, безмолвном – обращаются планеты, звезды, кометы. По своим расчерченным свыше траекториям, с положенными периодами и закономерностями. Иногда эту стройную и четкую, как чертеж авиаконструктора, систему нарушают случайности – блуждающие камни, летящие очертя отсутствующую голову. Земля, милая наша колыбель, предохранена атмосферой. Болиды сгорают в ней дотла, лишь редчайшим из них удается пробить прозрачную броню и достичь земной поверхности (безвоздушная Луна избита метеоритами, как бетонная огневая точка на какой-нибудь линии Маннергейма). Правил тут нет. Никто не возьмется предсказать, откуда прилетит очередной космический камень и куда ему суждено врезаться».

СТЕЙСИ СУОН, «ОЛИМП, ШТАТ ТЕХАС» (POLYANDRIA NOAGE)

Действие этого романа не случайно разворачивается в городне Олимп. Со знаменитой горой в Греции, обиталищем Богов и Героев, этот городок роднят нешуточные страсти и семейные хитросплетения. Этот роман — семейная драма, в основе которой лежат мифологические сюжеты и даже не очень маскируются. Марч, сын Юны и Питера (да-да, снова совпадение и игра слов), возвращается в Олимп после двух лет отсутствия, вызванного интрижкой с женой его старшего брата. И это возвращение становится катализатором: с этого момента стартует роман о гибели одного семейства в исполнении Стейси Суон. Ее мысль проста и понятна, но от того не менее болезненна: самые тяжелые раны наносят друг другу самые близкие люди. В эпиграф к роману вынесена цитата из «Метаморфоз» Овидия: «Но ведь каждый — бог для себя». Тем сложнее онаывается спускаться с Олимпа, особенно если тебя с него сталкивают родные. «Олимп, штат Техас» — книга не о Богах и Героях, но о человеческом, слишком человеческом, даже если снвозь него проглядывают архетипы.

«Зная, что дядя оскорбится, если собаки начнут поднимать лапы у надгробий, Марч уводит своих мастифов в поле по другую сторону улицы. Собаки забредают на луг к Джонсону, трава высотой метр двадцать скрывает их по самые уши, остается лишь переменяющееся колыхание стеблей. Марч смотрит, как Айден идет от края газона перед домом через пустую парковку к углу похоронного зала. На полпути обратно он останавливается посреди незаасфальтированной парковки, засовывает мобильник в карман рубашки. За фигурой дяди, на другом берегу реки, Марч видит белую точку – дом, в котором вырос.

Собаки возвращаются, громко дыша, смотря на Марча – ему в их взгляде видится обвинение».

ЛУИЗА МЭЙ, «ВТОРАЯ ЖЕНА» («РИПОЛ КЛАССИК»)

Психологическая драма о домашнем насилии и подчинении, когда тирания маскируется под заботу. Сандрина влюбляется в господина Ланглуа, когда видит его плачущим: он оплакивает свою пропавшую без вести жену, мать их сына. Спасение этого мужчины и ребенка становится для Сандрины долгом и призванием, она полностью отдается новым отношениям и выстраиванию семьи, но очень скоро сказка оборачивается кошмаром. За маской трепетного и тонко чувствующего человека, не стыдящегося слез, скрывается жестокий тиран. Все выясняется, когда первая жена, потерявшая память, вдруг возвращается, и Сандрина вынуждена терпеть побои и оскорбления, превратившись в прислугу. Грубость, агрессию и побои героиня оправдывает стрессом, нагрузками, обстоятельствами, стонгольмский синдром расцветает на страницах романа пышным цветом: Мэй показывает путь расчеловечивания и тирана, и жертвы, которая перестает ценить себя хоть немного, учится терпеть, сливаться с фоном, не привлекать внимание. Хорошо эта история закончиться не может по определению, но все же автор предлагает читателям альтернативные развязки. Развязки, каждая из которых кричит о том, что терпеть — не нормально.

«Он почти не спал с тех пор, как его забрали в полицию, разве что несколько часов под утро, и они поднимаются вверх раньше обычного. Мужчина, который плачет, выходит из душа с мокрыми взъерошенными волосами, и они придают ему мечтательный мальчишеский вид; и он остается мужчиной, который плачет, когда заключает ее в свои объятия. А потом он снова заговаривает о полицейской и о Каролине, и Сандрина, несмотря на все усилия, на попытки притворно закрыть глаза, на намеки, что хочет спать, чувствует, как он раздражается все больше и больше, как его переполняет злобная желчь. Она еще раз пытается сменить тему, и господин

Ланглуа спрашивает, за кого она себя принимает. Мужчина, который плачет, исчез, а господин Ланглуа приказывает впредь его не перебивать. Его тирада – словно злобещая птица, словно стержвятик-падалыщик, вынюхивающий все затхлое и зловонное. То, что он говорит, касается всех тварей этого мира, но в первую очередь стервы Каролины, стервы ищейки и ее, стервы Сандрины. Как же, как же, а то он не знает, что она вчера была не одна!

Когда господин Ланглуа вдавликает ее голову в подушку, намереваясь показать, что именно он делает со стервами, Сандрина говорит себе, что это ненадолго, чем сильнее приступ ярости, тем быстрее он проходит».

МАРГАРИТА РОНЖИНА, «ОДИНОЧКА» («АЛЬПИНА.ПРОЗА»)

Саше двадцать пять, она только что родила первенца, но отец ребенка от нее ушел. Пытаясь осознать себя в роли матери-одиночки, она не сразу понимает, что с мальчиком что-то не так. Впереди совершенно новый и очень непростой опыт: у ребенка ДЦП с эпиактивностью, впереди больница, а потом долгая реабилитация, но и после нее сын никогда не станет «как все». Сашина квартира, в которую она возвращается с мальчиком после его операции, становится намерой-одиночкой: Саша чувствует, что от прошлой жизни не осталось и следа, впереди новая, такая, которую она не хотела бы жить, но выбора ей не оставили. «Одиночка» — роман о преодолении и поддержке, о вере в собственные силы и любви, которая вдруг прорывается мощной волной и для которой совсем не остается преград. Для любви нет диагнозов, как нет их для веры в себя и поиска дела своей жизни. Местами трудная и болезненная, но при этом невероятно светлая история, дарящая надежду.

«У них получился очень долгий разговор.

Долгий монолог, не прерываемый громким дыханием. Инна молчала, кивала, казалось, чувствовала, как нервозно, отчаянно Сашино желание ей раскрыться, как страшно это делать в первый раз.

Саша закончила, замолчала, вдохнула-выдохнула. Чего-то ждала.

– Тебе было совсем плохо. Почему не сказала?

Она замерла. Почти восемь месяцев прожила одна – не считая разовые связи, – без близких, то в больнице, то в квартире, лишний раз не открывая рта, не жалуясь на свое состояние. Копила вину и ненависть. Жалила себя изнутри. Но сейчас неожиданно подумала, что жаловаться – то должен был он, ребенок, пострадавший, а не она, инфантильная недоженщина.

– Я сделала ему много плохого. Какая из меня...

Она так и не сказала этого слова на букву “м”. Но Инна поняла.

– Сейчас хотела бы исправить. Но вдруг уже поздно? Вдруг это я виновата, что он останется таким? Как я смогу с этим жить?»

ШАМИЛЬ ИДИАТУЛЛИН, «ДО ФЕВРАЛЯ» («РЕДАНЦИЯ ЕЛЕНА ШУБИНОЙ»)

Разбирая архив литературного журнала, первокурсница Аня обнаруживает рукопись захватывающего триллера, написанного от лица маньяка. Но литературная судьба потенциального бестселлера осложняется открывшимися обстоятельствами: описанные в романе события не придуманы, а действительно произошли в небольшом городе Сарасовске полтора десятилетия назад, и убийцу так и не поймали. Теперь он узнал

о том, что рукопись обнаружена, и стоит перед непростым выбором: рискнуть ради литературной славы (которая автора явно манит, судя по выпренности стиля) или оставаться в тени и безопасности? Выбор сделан, слава предпочтительней — кошмар возвращается в Сарасовск, и Идиатуллин исследует психологию писателя и маньяка, гения (на самом деле нет, но с амбициями) и злодея. Психология и фиксация провинциальной жизни Шамилю Идиатуллину удаются всегда, на каную бы тему и в каком бы жанре он ни писал. Здесь они упакваны в динамичный, пугающий и драйвовый триллер с непредсказуемым финалом.

«Змей замер у двери, слушая щебетание мелкой девульки. Девулька болтала по телефону, развернувшись в кресле к мутному окну и вытянув ноги – видимо, к батарее.

– Да то же самое, про серийного убийцу. Он, короче, старушек душит и думает про это, в чем самый кринж. Ага, Достоевский, карликовая модель, пять старушек – уже рубель. Графомания адская, конечно, на пафосе, ошибок полно и название дебильное.

Провод лампы впился в перчатку, натягиваясь. Змей улыбнулся под маской и сделал шаг. Фигура со склоненной головой не слишком четко, но разборчиво отражалась в окне, но девулька этого не замечала – наверное, любовалась носочками, втиснутыми меж чугунных секций батареи. Пусть полюбуется напоследок».

АНЬЕС МАТЬЁ-ДОДЕ, ОЛИВЬЕ ТАЛЛЕН, «ДАГФРИД. ДЕВОЧКА БЕЗ ЗАВИТУШЕН НАД УШАМИ» («ПОЛЯНДРИЯ»)

Дагфрид — девочка-викинг. Девочки-викинги живут очень понятную и заранее расписанную словно по сценарию жизнь: сперва они рождаются, потом у них отрастают светлые волосы, которые нужно укладывать

в фигурные завитушки, ходят в длинном платье (и заодно эти самые платья шьют), вялят и едят рыбу. Ничего сложного. Но есть проблема. Дагфрид неудобно в платьях — в них невозможно бегать, поэтому она носит брюки. Она терпеть не может завитушки над ушами, а потому просто заплетаёт косы. И она терпеть не может рыбу, а другой еды у них совершенно никакой нет. Дагфрид мечтает отправиться в путешествие, в идеале, открывать Америку. А потому она отправляется в плавание к новым землям и на этих самых новых землях знакомится с девочками из другого народа, у которых все очень похоже, но немножко иначе. И если не ссориться, можно обменяться опытом и обогатить традиции обоих народов.

«Астрид пообещала, что подарит мне двух барашков, мальчика и девочку (ее называют овечкой), научит стричь их шерсть и вязать из нее разные вещи, а также растить ягнят – маленьких барашков, у которых позднее появятся новые барашки. Мне даже можно будет время от времени съесть ягненок, более того, я смогу отвесть ягнятины прямо сейчас, пока они, девочки, устраивают себе рыбное пиршество, на котором в виде исключения разрешат присутствовать и мне, хотя обычно мальчиков до совместной трапезы на их острове не допускают. Тут-то я и решила, что должна объяснить новым знакомым, что вообще-то я тоже девочка».

ДЖЕННИФЕР БЕЛЛ, «ЧУДОСТРАНСТВИЕ» («ПОЛЯНДРИЯ»)

«Было раннее утро, и Артур уже опаздывал в школу, когда взорвались гномы». Дженнифер Белл знает не понаслышке, как важно цепляющее начало. Но на начале она не останавливается, и дальше — больше. Школьники Артур, Сесили и Рен в результате этого загадочного взрыва оказываются в далеком будущем — в 2473 году. Они на борту научно исследовательского судна под управлением Исаака Ньютона. Им предстоит встретиться со многими выдающимися людьми прошлого, стать настоящими друзьями, разгадать множество загадок, полюбить учиться и понять, что материальное положение и общественный статус — далеко не самое главное в жизни. Невероятно динамичная и увлекательная приключенческая повесть для детей.

«Теперь-то Артур понимал важность таких посланий, а потому наскоро перечитал его дважды, пока оно не исчезло. Он выделил для себя слова “ЦУЕФА” и “чудо-скил” – их Ньютон не упоминал. А потом в воздухе материализовался бумажный свиток и упал Артуру прямо в руки. На нем изящным плавным почерком с размахистыми завитушками было написано:

Пусть не страшат тебя подсказки:

С друзьями будь в единой связке.

Ну а развязку в этом квесте

Ищи в неочевидном месте.

И пусть не знаю страха я,

Попробуй одолеть меня!»

ОЛЬГА ЛУНАС, «СЕМЬ ЖЕЛАНИЙ АНИ» («НИГМА»)

Студенты-первокурсники ищут клад в старой петербургской квартире, но находят вовсе не золото и не антиквариат, а крошечную темную комнату. Пусть маленькая и без окон — но своя, отдельная! Аня, младшая сестра одной из первокурсниц-кладоискателей, с радостью переселяется в находку. А комната оказывается волшебной: ночью здесь можно

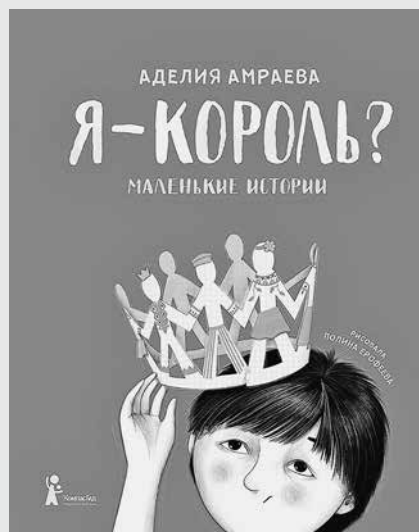

загадать любое желание — и утром оно исполнится. Аня очень хочет стать лучше, круче, интересней — и тогда ее лучшая подруга, у которой теперь другие интересы, сможет к ней вернуться. Утром Аня меняется, а еще меняется весь мир вокруг. И оказывается, что это очень, очень непросто. Может быть, лучше просто превратиться в подругу? Или в собственную сестру? Или еще в кого-нибудь? Ане предстоит непростой путь, но его нужно пройти, чтобы понять, что все, что нужно для счастья, у нее уже есть, и лучше всего продолжать быть собой.

«Пока ехали через пробки на Приморскую, где проходили уроки вокала, Аня читала сообщения от поклонников. Краткие восторги и благодарности казались чем-то само собой разумеющимся: звездами положено восхищаться. Но ее неприятно поразило длинное сообщение, автор которого уличал Аню в том, что сама она только танцует (посредственно), а поет за нее нанятая иностранная певица, а декламирует — актриса из провинциального театра. В доказательство были прикреплены записи иностранной певицы и фрагменты спектакля “На всякого мудреца довольно простоты”, в котором блистала актриса (та, которая якобы декламирует за Аню)».

АДЕЛИЯ АМРАЕВА, «Я — КОРОЛЬ? МАЛЕНЬКИЕ ИСТОРИИ» («НОМПАСГИД»)

Писательница и переводчица Аделия Амраева написала маленькие истории о больших предрассудках и стереотипах, способных сломать человеческие жизни. В мире взрослых очень часто о человеке судят по его национальности. Если ты отличаешься от этнического большинства, ты другой, чуждый, чужой. Дети чужды этих социальных условностей, но в конфликтных ситуациях, на эмоциях у них часто прорывается то, что они слышат от взрослых. И от каждого из нас зависит то, каким будет

мир завтрашнего дня, потому что главное, что ты — человек, я — человек, и разницы между нами — нет.

«Я совсем запуталась. Чеченцы — бандиты или герои?»

— Он же чеченец, — прищуриваюсь я.

— Какая разница, какая у него национальность? — ворчит мама. — Расул тебя спас, он — герой!

Попробуй этих взрослых пойми! То важны национальности, то неважны. Просто общаемся — важны. За волосы тянет — неважны. Не буду больше их слушать — я отворачиваюсь к стенке. Вот усну сейчас и во сне буду Расула из озера вытаскивать. Как индеец!»

